

ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА В РАКЕТНОЙ ТЕХНИКЕ: УСПЕХИ, РАЗНОГЛАСИЯ, КОНФЛИКТЫ

Вячеслав Фёдорович Рахманин,
Лауреат Государственной премии СССР, к.т.н.

(Продолжение. Начало в 4-6 - 2015, 1-3 - 2016)

ПЕРВАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАКЕТА Р-5М

Разработка следующей ракеты Р-5 стала продолжением работ по неудачному проекту ракеты Р-3, причём работы технически плавно перетекали от старого проекта в новый.

При обсуждении эскизного проекта Р-3 было обращено внимание на заложенные в конструкции новые технические решения, ещё не имеющие ни научного обоснования, ни экспериментальной проверки и подтверждения. Такой подход имеет своё объяснение. Предложение о создании ракеты дальностью полёта 3000 км сделано, в моём представлении, спонтанно, без предварительной проработки, в порядке дальнейшего развития линейки ряда ракет Р-1, Р-2 и Р-3. Это предложение впервые изложено в докладной записке И.В. Сталину от 28 ноября 1947 г. по итогам опытных пусков немецких ракет А-4 с полигона Капустин Яр. Докладную записку подписал председатель Госкомиссии маршал артиллерии Н.Д. Яковлев и остальные члены комиссии, включая Главных конструкторов нарождающейся в ту пору кооперации организаций и предприятий по разработке и производству ракет дальнего действия. Так что идея создания ракеты Р-3 - коллективное творчество военных и разработчиков ракетной техники. Взятые за создание новой ракеты, её разработчики уподобились легкоатлету, пытающемуся совершить рекордный прыжок в длину без разбега. До этого при разработках Р-1 и Р-2 в качестве такого "разбега" были имеющиеся конструкторская и отчасти технологическая документация на ракету А-4 и проведённый солидный объём расчётно-экспериментальных работ для создания форсированной ракеты Р-2. Учитывая сложившуюся ситуацию и сжатые сроки разработки новой ракеты, в решении НТС по ракете Р-3 было рекомендовано, не ожидая наземной стендовой отработки систем и элементов новой конструкции, создать на базе ракеты Р-2 экспериментальную ракету Р-3А.

На ракете Р-3А конструкторы ОКБ-1 планировали исследовать работоспособность бака окислителя без внешней теплоизоляции, новую конструкцию головного обтекателя и эффективность уменьшенных по размерам аэродинамических стабилизаторов. Предполагалось также проверить в натуральных условиях работу новой системы управления полётом. В связи с длительным временем на подготовку производства для изготовления нового двигателя РД-110 было принято решение об использовании в ракете Р-3А двигателя РД-101 ракеты Р-2, форсировав его по тяге с 37 тс до 40 тс, при этом удельный импульс тяги возрастал с 210 до 214 сек. В таком исполнении экспериментальная ракета Р-3А имела расчётную дальность полёта около 935 км, что более чем в 1,5 раза превышало дальность ракеты Р-2.

Последующие расчётно-аналитические работы показали, что при дальнейшем совершенствовании конструк-

ции ракеты Р-3А реально получить доставку массы груза в пределах 1400...1450 кг на расстояние до 1200 км. Такой результат позволял участникам разработки ракеты Р-3 предложить вместо проведения

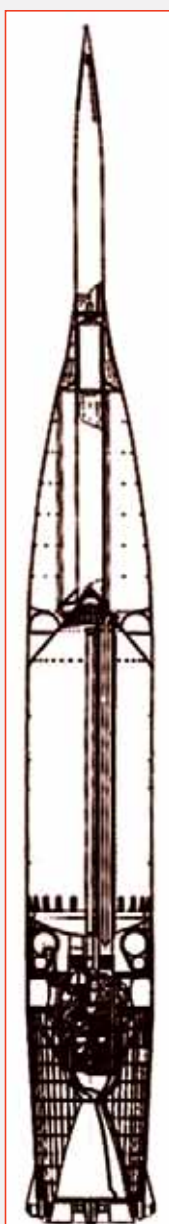
работ по созданию экспериментальной ракеты Р-3А приступить к разработке новой боевой ракеты. Новая ракета должна была не только повысить боевой потенциал Советской Армии, но и сгладить негативное впечатление от прекращения работ по бесперспективному проекту ракеты Р-3. Этот "ход конём" оказался успешным, никаких "оргвыводов" по отношению к идеологам разработки провального проекта ракеты Р-3 не последовало.

Получив согласие на новую разработку, кооперация конструкторских бюро взялась за выпуск эскизного проекта новой ракеты, получившей обозначение Р-5. Эскизный проект был подготовлен к защите в рекордно короткий срок в ноябре 1951 г.

В эскизном проекте дополнительно к уже приведённым выше техническим новшествам в конструкцию ракеты Р-5 вводилось специальное теплозащитное покрытие головной части ракеты на основе сублимирующих материалов, что позволяло не допускать перегрева боевого заряда при входе боеголовки с повышенной скоростью в плотные слои атмосферы. Для обеспечения устойчивого полёта увеличивался диаметр основного корпуса ракеты и сокращалась её длина. Существенные изменения вносились в автономную систему управления полётом - впервые было предложено использовать систему радиоуправления дальностью, радиокоррекцию траектории и аварийное выключение двигателя.

Двигатель РД-103 ракеты Р-5 по сравнению с его предыдущими вариантами имел существенные отличия. Для обеспечения полётной дальности 1200 км он форсировался по тяге в земных условиях до 43 тс, а для увеличения тяги в верхних слоях атмосферы до 50 тс на сопло камеры устанавливался неохлаждаемый стальной насадок, внутренняя поверхность которого защищалась графитовыми плитками. Значительные изменения были внесены в конструкцию ТНА - введён третий насос для подачи в реактор перекиси водорода. Это позволило заменить тяжёлый стальной торový бак с рабочим внутренним давлением 50 атм алюминиевым баком с давлением 3,5 атм. Отпала необходимость и в тяжёлом стальном баллоне с давлением 200 атм, служащим для выдавливания воздухом перекиси водорода. Существенным изменениям конструкции подверглись и другие агрегаты двигателя: изменена система автоматики запуска и управления работой двигателя, введено регулирование тяги двигателя в полёте.

Форсирование базового варианта двигателя привёл к повышению вибрационных нагрузок на узлы и агрегаты, что обусловило широкое применение гибких сильфонных и

Эскизный проект
ракеты Р-3:
длина 27,1 м,
диаметр 2,8 м

резиновых трубопроводов. Повышенная надёжность двигателя обеспечивалась введением ужесточённого контроля изготовления и сборки деталей, узлов, агрегатов и двигателя в целом.

Конструкция двигателя РД-103 имела столь кардинальные отличия, что он только по внешнему облику, главным образом формой и размерами камеры, напоминал о своей причастности к прародителю - двигателю ракеты А-4, а по техническим параметрам и характеристикам представлял новую разработку, выполненную отечественными специалистами. Об этом красноречиво свидетельствует сравнение технических характеристик двигателей РД-103 и РД-100 (приводится в скобках): тяга на земле - 44 тс (26 тс), удельный импульс тяги - 220 с (203 с), давление в камере сгорания - 24,4 атм (16 атм), мощность турбины - 1500 л.с. (540 л.с.), масса двигателя - 870 кг (885 кг).

Стендовая отработка двигателей РД-103 и других ракетных систем была проведена в течение 1952 г. и 13 февраля 1953 г. было принято правительственное Постановление о проведении лётных испытаний ракет Р-5 в три этапа.

При лётной отработке ракеты Р-5 предусматривалась тщательная проверка в широких пределах работоспособности конструкции ракеты и её комплектующих систем. Подмоченная репутация в связи с прекращением работ по ракете Р-3 требовала от разработчиков ракеты доказательства их способности обеспечить в новом проекте заявленные технические характеристики. Хотя они понимали, что создание ракеты дальнего действия - дело новое, выходящее за рамки современных научно-технических достижений, здесь возможны и просчёты, и ошибки, но на их совести висел провал проекта ракеты Р-3, который они сами предложили и взялись за его воплощение... Второй раз подряд ошибку могут и не простить, последуют "оргвыводы".

Огневой стенд в филиале № 2 в Загорске

Учитывая эти обстоятельства, в программу официальных лётных испытаний перед началом каждого этапа было включено проведение проверочных испытаний двух ракет Р-5 на огневом стенде в филиале № 2 в Загорске.

Первый этап лётных испытаний прошёл в период с марта по май 1953 г. Из 8 ракет 6 достигли заданной цели. После выяснения причин аварий и внесения изменений в конструкцию ракеты приступили к проведению второго этапа, который прошёл в течение октября-декабря 1953 г. Из 7 пусков один был неудачным.

Два проведенных этапа лётных испытаний не позволили завершить отработку лётной эксплуатации. Дальнейшее совершенствование конструкции ракеты продолжалось около полугода. Третий этап проходил с августа 1954 г. по февраль 1955 г. За это время было проведено 19 лётных испытаний, из них 9 пристрелочных (проверочных) и 10 зачётных. На этом лётная отработка ракеты Р-5 с дальностью полёта 1200 км была завершена.

Разработка ракеты Р-5 проводилась на фоне обострившихся политических отношений между СССР и США. Известие о состоявшемся в августе 1949 г. в СССР взрыве ядерного заряда свидетельствовало о появлении в мире второй ядерной державы, что вызва-

ЖРД РД-103

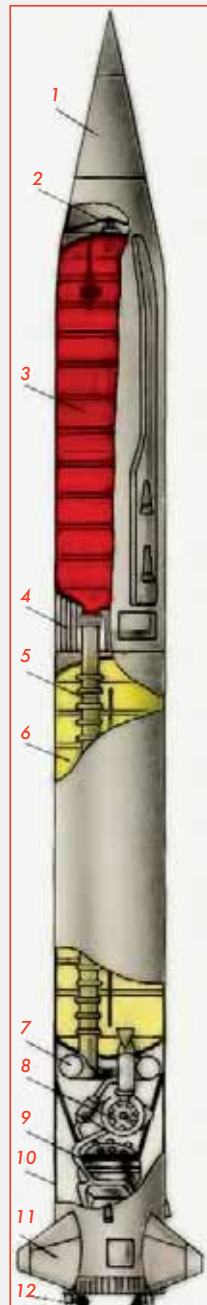
ло в США бурную негативную реакцию. Наиболее воинственно настроенные политики и генералы призывали к немедленному нанесению ядерных ударов по административно-промышленным центрам СССР, пока "Советы" не нарастили свой ядерный потенциал. Но возобладал здравый смысл и понимание того, что ядерный боезаряд становится оружием (бомбой или снарядом), когда имеются средства их доставки для поражения целей на территории США. В первой половине 50-х годов географическая удалённость США продолжала быть главным фактором, обеспечивающим им безопасность от нанесения ударов с территории СССР.

Действительно, в этот период времени в СССР в составе авиации дальнего действия имелись бомбардировщики Ту-4 (советская копия американского бомбардировщика В-29 "Летающая крепость"), у которых радиус боевого вылета (полёт до цели и возвращение на базовый аэродром) не превышал 2500 км. Запущенный в производство в 1953 г. самолёт дальнего действия Ту-16 имел радиус боевого вылета не более 2750 км, чего также было явно недостаточно для осуществления бомбардировки территории США. Но у военно-политического противника Советского Союза имелись военные объекты, расположенные в пределах досягаемости советской авиации - американские военные базы на территории европейских стран, входящих в военно-политический союз НАТО. Однако эффективность применения для этой цели авиации военные специалисты оценивали весьма низко. Прогресс в области создания зенитных управляемых ракет, а также находящиеся на вооружении НАТО высокоскоростные реактивные истребители-перехватчики типа американских "Сейбр" и французских "Мираж" создавали высокоэффективную противовоздушную оборону.

В то же время опыт нанесения ударов по городам Великобритании немецкими ракетами Фау-2 в 1944-1945 гг. показал, что эффективных средств для их перехвата у английской армии не имелось. В течение последующего десятилетия средств, способных противостоять ударам баллистических ракет дальнего действия, не появилось. Так что ракеты, оснащённые ядерными боеголовками и способные решать стратегические задачи, не имели противодействия. Эти обстоятельства послужили основанием для правительственного поручения определить техническую возможность установки на существующие ракеты дальнего действия Р-5 имеющиеся в СССР ядерные боезаряды, производство которых с 1953 г. было организовано серийно.

Совместная проработка физиками-ядерщиками из НИИ, имеющего почтовый адрес "Арзамас-16", и ракетчиками ОКБ-1 показали, что после введения некоторых изменений в конструкцию боезаряда и ракеты Р-5 имеется возможность объединить их в боевой ракетный комплекс. Это послужило техническим основанием для выпуска правительственного Постановления от 10 апреля 1954 г. о создании на базе конструкции Р-5 стратегической ракеты, оснащённой ядерной боеголовкой и имеющей дальность действия до 1200 км.

Решение оснастить ракету Р-5 ядерной боеголовкой привело к проведению дополнительных организационных и технических работ. Поскольку техническая документация у физиков-ядерщиков имела гриф "сов. секретно", а некоторые документы и более высокий гриф - "особой важности", то и ракетная документация, связан-

- Эскизный проект ракеты Р-5:
- 1 - головная часть;
 - 2 - пневмотолкатель;
 - 3 - бак окислителя;
 - 4 - приборный отсек;
 - 5 - трубопровод окислителя;
 - 6 - бак горячего;
 - 7 - бак перекиси водорода;
 - 8 - турбонососный агрегат;
 - 9 - камера сгорания ЖРД;
 - 10 - хвостовой отсек;
 - 11 - воздушный руль;
 - 12 - газоструйный руль

ная с использованием ядерной боеголовки, должна была иметь аналогичный уровень секретности. Сам факт создания ракеты как средства доставки ядерного заряда имел степень "сов. секретно". В связи с этим в ОКБ-1 было введено ограничение доступа к работам по ракете Р-5М, такое обозначение получила ракета Р-5 с ядерной боеголовкой. Повышенная секретность о создании ракеты Р-5М распространялась и на предприятия, разрабатывающие основные ракетные системы и наземную инфраструктуру. На этих предприятиях, с целью сокрытия фактической причины повышенной секретности, работы проводились по программе повышения надёжности и безопасности эксплуатации ракеты, а также снижения трудоёмкости её подготовки к старту, т.е. выстрелу с ядерной боеголовкой. В целях сохранения секретности в техдокументации такую боеголовку именовали специальной.

Повышение технической надёжности ракеты Р-5М обеспечивалось дальнейшим совершенствованием конструкции ракетных систем при проведении наземных стендовых испытаний. Особое внимание было обращено на надёжность системы управления полётом ракеты, в связи с чем впервые были применены принципы дублирования приборов и других элементов.

Повышение безопасности эксплуатации ракеты обеспечивалось внедрением новой механизированной технологии подготовки ракеты к пуску, существенным уменьшением количества ручных технологических операций, требующих участия людей. С этой же целью была разработана и внедрена автоматизированная система запуска двигателя ракеты на пусковом столе.

Проведёнными работами потенциальная надёжность ракеты Р-5М безусловно была повышена, но и при этом нельзя было полностью исключить вероятность появления отказа какого-либо ракетного элемента, в результате чего может произойти отклонение траектории полёта ракеты от расчётной и нанесение ядерного удара в нежелательном месте. Для предотвращения такой ситуации была предусмотрена новая в практике ракетостроения система аварийного подрыва ракеты (АПР). Одновременно была разработана система аварийного выключения двигателя ракеты (АВД), что позволяло прекратить полёт ракеты по сигналу, поданному системой АПР.

Аттестация работоспособности ракеты Р-5М и её соответствия заданным техническим характеристикам проводилась по программе, которая предусматривала два этапа - заводские испытания и лётно-конструкторские испытания. В течение января-июля 1955 г. состоялись пуски 14 ракет, из них 13 выполнили полётные задания, что позволило после выявления и устранения причин аварийного пуска перейти к зачётным испытаниям ракет Р-5М, которые состоялись в январе-феврале 1956 г. На зачётном этапе было пущено 5 ракет, все пуски имели положительный результат. Используемая на пятом пуске ракета была оснащена ядерным боезарядом, который, преодолев расстояние в 1200 км, взорвался в расчётном районе Семипалатинского полигона. Первая советская стратегическая ракета Р-5М 21 июня 1956 г. была принята на вооружение Советской Армии.

Наличие в составе Вооружённых Сил СССР стратегических ракет Р-5М привело к изменению международных отношений в военно-политической сфере. Теперь появилась реальная возможность нанесения ядерного удара - ответного, а может быть и превентивного - по передовым позициям ядерных сил США, размещённых в Европе и нацеленных на СССР.

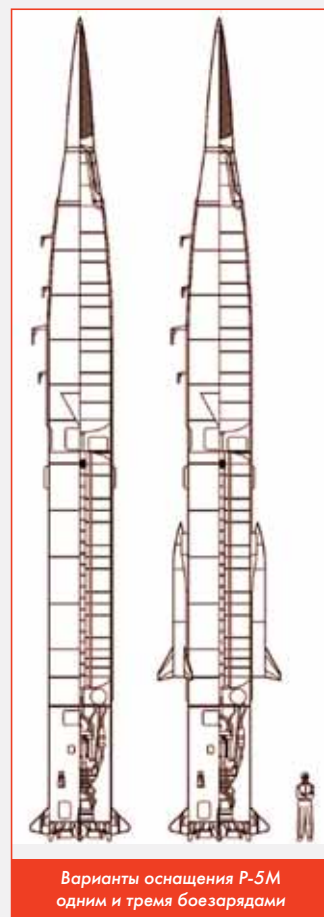
Стартовый комплекс с ракетой Р-5М на полигоне Капустин Яр

Стратегическая значимость ракеты Р-5М имела две ипостаси: во-первых, это было оружие колоссальной разрушительной силы. По оценкам специалистов, мощность её боезаряда в несколько раз превышала мощность бомбы, сброшенной в августе 1945 г. на г. Хиросима. Во-вторых, эта ракета имела политическое значение: ракета Р-5М была потенциальной угрозой для поражения не только военных баз, ещё в большей степени она являлась оружием массового поражения для европейских государств, на территории которых эти базы разместились, что делало их военно-политическими заложниками агрессивной политики США. А это обстоятельство должно было вынудить политических лидеров стран - членов НАТО оказать воздействие на президента США и американское командование ядерными силами НАТО отказаться от соблазна нанесения первого ядерного удара по СССР.

На первый взгляд такая ставка на опосредованное влияние на политику американских "ястребов" кажется наивной. Естественно, что командование Вооружёнными Силами СССР рассматривало и другие сценарии ведения боевых действий в условиях нанесения ядерных ударов по СССР. Но в историко-мемуарной литературе имеется подтверждение эффективности воздействия на внешнюю политику европейских стран имеющейся у СССР потенциальной возможности нанесения по ним ракетно-ядерного удара. Об этом достаточно подробно излагается в книге С.Н. Хрущёва "Никита Хрущёв: кризисы и ракеты" том 1 (Новости, Москва, 1994 г.). Во время визита в апреле 1956 г. в Лондон Н.С. Хрущёв при встречах с представителями английских правительственных кругов и вооружённых сил намеренно завязывал разговоры о возможном сценарии будущей войны. "Отец считал себя готовым померяться силами. После февральских испытаний Р-5 он получил в руки дубинку, которой можно в случае пригрозить несговорчивому европейскому собеседнику. Не употребить, а именно пригрозить. Он выработал свою стратегию: предпочитал "использовать" ядерное оружие за столом, а не применять его на поле боя. А раз так, то какой смысл хранить тайну, тут не вредно и прихвастнуть. В Лондоне он позволял себе проговариваться... Наступила эра ракет, сделавших все прежние виды вооружений лишь мишенями. Баланс сил, твердил он, кардинально изменился. Кому нужны все эти бомбардировщики, если одна, пусть несколько ракет могут больше, чем целый воздушный флот. А Советский Союз обладает ракетами в достатке. Его слова заставляли собеседников задуматься.

[...]Отец атаковал непрерывно. Дело доходило до бестактностей. То у одного, то у другого собеседника он вдруг начинал выяснять, знает ли тот, сколько ядерных зарядов потребуется для того, чтобы уничтожить его страну. [...] Это было грубовато и могло быть расценено как угроза. Во всяком случае преследовалась и такая цель. Угрожать мы не собирались, но хотели показать... что мы сильная страна".

Случилось так, что эффективность избранной Хрущёвым политики бряцания ракетным вооружением получила проверку буквально через полгода. В самом конце октября 1956 г. началась война между Египтом и Израилем. После ряда дипломатических демаршей Англия и Франция тоже ввязались в этот конфликт. Их авиация нанесла бомбовые удары по столице Египта Каиру и ряду египетских портовых городов в зоне Суэцкого канала. За этим последовала высадка десанта с тяжёлым вооружением. Египетская армия,

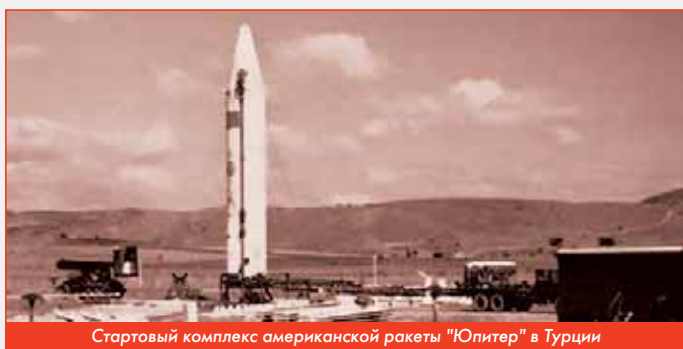
Варианты оснащения Р-5М одним и тремя боезарядами

оснащённая советским оружием, не выдержала первого же удара израильских войск и практически разбежалась. Советское правительство не могло остаться в стороне от этих событий. Не имея практической возможности оказать Египту прямую военную помощь, правительство СССР обратилось к политическим лидерам стран-агрессоров с резким заявлением. Смысл этого заявления приводится в цитируемых фрагментах из вышеуказанной книги С.Н. Хрущёва: "...в заявлении предупреждалось, что, казалось бы, локальный конфликт может перейти в третью мировую войну. Советский Союз предлагал в первую очередь США, а также и другим членам ООН использовать совместно вооружённые силы для прекращения кровопролития. Со своей стороны, мы заявили, что, независимо от решения других стран, готовы к применению силы".

Кроме официального текста заявления, "главное содержалось в инструкциях советским послам. Им предписывалось на словах добавить, что шутить в Москве не намерены, ракеты, о которых отец рассказывал в Англии, находятся на своих позициях и готовы к делу. Ждать бесконечно мы не станем". В Лондоне и Париже такой демарш произвёл эффект уже разорвавшейся бомбы. Лидеры Англии и Франции "срочно начали консультации, прикидывая, насколько реально угроза вмешательства Советского Союза и применения им атомного оружия. После заявления Вашингтона о своём невмешательстве они остались одни". После недолгих размышлений оба лидера приняли решение прекратить военные действия против Египта, объяснив это решение в своих парламентах выполнением задач, поставленных перед десантными войсками в Египте. Так первые советские стратегические ракеты Р-5М стали эффективным сдерживающим фактором развязывания ядерной войны.

Используемый термин "сдерживающий фактор" характерен для советской и российской журналистики и мемуарной литературы. В американской лексике этот же фактор имеет наименование "устрашение" вероятного противника. И именно этот термин лучше всего подходит для характеристики психологического состояния американского общества в период так называемого Карибского кризиса. Только в этом случае устрашающее воздействие оказали не американские ракеты, нацеленные на Советский Союз, а советские ракеты, доставленные на Кубу.

Напомню, что в ответ на размещение на территории Италии и Турции американских ракет "Юпитер", а также в связи с угрозой вторжения американских войск на Кубу, Н.С. Хрущёв в 1962 г. принял решение установить на Кубе ракеты среднего радиуса действия Р-12 и Р-14, оснащённые ядерными боезарядами. Эта операция не увенчалась успехом, ракеты до их установки на стартовые позиции были возвращены в СССР, но сама угроза разме-

Стартовый комплекс американской ракеты "Юпитер" в Турции

жения ядерного оружия в пределах досягаемости им территории США породила сильнейший страх у населения страны. До этого в США считалось, что ядерная война будет где-то там, вдали, как это произошло в августе 1945 г. в Японии. И вдруг угроза ядерного удара стала реальностью для США. Американцы "примерили" на себя кинокадры разрушенных Хиросимы и Нагасаки, эти ужасающие картины из фантома превратились в потенциальную реальность. Карибский кризис был разрешён дипломатическим путём: "Советы" вывезли ракеты с Кубы, а США ликвидировали свои ракетные базы в Турции и Италии и заявили в ООН об отказе своей военной интервенции против Кубы.

Первая и единственная до сих пор попытка создать ракетную базу вблизи границ США провалилась. Но значимость ракетного оружия не уменьшилась. В 1962 г. в СССР имелись ракеты межконтинентальной дальности Р-7А и Р-16, и противостоять боевому применению этих ракет США не имели возможности. Это обстоятельство являлось сдерживающим фактором для агрессивных планов американских "ястребов". А учитывая военную доктрину СССР, исключая нанесение первого ядерного удара, наличие межконтинентальных ракет означало, что третьей мировой войны с применением ядерного оружия не будет, что подтверждается в течение вот уже более 70 лет.

Завершим на этом исторический экскурс в значимость ракетно-ядерного вооружения для мировой политики и вернёмся во времена окончания работ по созданию ракеты Р-5М.

Разработкой ракеты Р-5М по существу был завершён первый этап создания в СССР баллистического оружия дальнего для того времени действия. Принятие на вооружение ракеты Р-5М ознаменовалось высокой государственной оценкой творческого труда разработчиков новой техники.

Головное ОКБ-1 было награждено высшим орденом страны - орденом Ленина, Главному конструктору ОКБ-1 НИИ-88 С.П. Королёву и его первому заместителю В.П. Мишину Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 апреля 1956 г. "за заслуги в деле создания дальних баллистических ракет" присвоены звания Героев Социалистического Труда, 343 работника НИИ-88 получили ордена и медали, из них орденом Ленина было награждено 20 человек.

Остальные участники кооперации были также отмечены государственными наградами. Главным конструкторам В.П. Бармину, В.П. Глушко, В.И. Кузнецову, Н.А. Пилюгину, М.С. Рязанскому были присвоены звания Героев Социалистического Труда, а наиболее отличившиеся работники коллективов, которые возглавлялись указанными Героями Соцтруда, награждены орденами и медалями. Сведениями о количестве награждённых на этих предприятиях не располагаю, кроме ОКБ-456, одного из главных участников разработки ракеты Р-5М. ОКБ-456 было награждено орденом Трудового Красного Знамени, работники получили ордена и медали, два человека, по одному из КБ и завода, были награждены орденами Ленина. Думается, что такая же пропорция в количестве и значимости наград между головным разработчиком и другими участниками создания ракеты распространялось и на остальных членов кооперации.

Одновременно и практически в непосредственной зависимости от научно-производственных достижений в области ракетной техники в жизни Королёва и Глушко происходили события личного плана.

В конце 40-х годов правительственным решением была организована Академия артиллерийских наук под руководством президента Академии генерал-лейтенанта артиллерии А.А. Благонравова. Учёный совет НИИ-88 рекомендовал избрать в состав этой академии по отделению ракетного вооружения Главного конструктора НИИ-88 Королёва. К этому времени Королёв имел наибольшую известность как раз в военных кругах, и его избрание членом-корреспондентом академии прошло без каких-либо осложнений.

По иному сложилась история с выдвижением в состав Академии артиллерийских наук Глушко. Положительную служебную характеристику с рекомендацией избрать Глушко в состав академии подписал министр Авиапрома М.В. Хруничев, благожелательно к избранию Глушко относился и президент академии А.А. Благонравов. Однако партийный "фильтр" не пропустил кандидатуру бывшего заключённого, тем более к нему имелись претензии и в текущее время. Так, в справке, подписанной секретарями Химкинского горкома и Московского обкома ВКП(б), Глушко характеризуется отрицательно, как "человек замкнутый, проявляющий зазнайство и высокомерие, игнорирующий партийные организации". И административный отдел ЦК ВКП(б) в апреле 1949 г. по политическим мотивам не рекомендовал избрание Глушко в состав академии.

Не состоявшееся избрание в Академию артиллерийских наук было обидно для Глушко, особенно на фоне избрания в академию

Королёва. Но, по существу, они оба ещё ничего не сделали для вооружения Советской Армии, и избрание Королёва в академию стало, как принято говорить в таких случаях, авансом в ожидании будущих достижений. И выданный аванс был щедро оплачен созданием ракеты Р-1 (принята на вооружение 25 ноября 1950 г.) и ракеты Р-2 (принята на вооружение 25 ноября 1951 г.). За 5 лет со времени выхода правительственного Постановления от 13 мая 1946 г. "Вопросы реактивного вооружения" в СССР был заложен основательный фундамент ракетостроительной отрасли промышленности, включающей в совокупности десятки НИИ, ОКБ и заводов. Ракетостроение стало новым научно-техническим направлением, а лидеры этого направления Глушко и Королёв на общем собрании Академии наук СССР 23 октября 1953 г. были избраны членами-корреспондентами АН СССР по отделению технических наук. Избрание в Академию наук само по себе для работающего в научной сфере является выдающимся событием. Для Королёва и Глушко это было непростым делом. Кандидат в члены АН СССР выдвигался действующими членами академии и строго контролировался соответствующими отделами ЦК партии. По уставу Академии кандидат в члены-корреспонденты Академии должен был иметь степень доктора наук и быть в числе лидеров одного из научных направлений, кандидат в действительные члены академии (академик) выдвигался из числа членов-корреспондентов, воспитавший ряд учеников, имеющих степени докторов и кандидатов наук, т.е. быть руководителем научной школы. Ко времени выдвижения и избрания Королёва и Глушко в АН СССР они не имели ни кандидатской, ни докторской степени. Степень доктора технических наук они получили позднее, без представления и защиты диссертации: Королёв в июне, Глушко в ноябре 1957 г. К моменту избрания их в академию не было у них и опубликованных научных трудов. Утверждённые ими научно-технические отчёты, эскизные проекты, технические задания на разработку ракетной техники и т.д. в научном сообществе не принято считать академическими трудами. В то же время Королёв и Глушко были техническими лидерами нового научно-технического направления, ведущими творческую научно-техническую работу в этой области с начала 30-х годов, являлись техническими руководителями разработки нового наукоёмкого вооружения.

Ко времени их избрания они приступили к разработке проекта ракеты межконтинентальной дальности, способной обеспечить нанесение ядерного удара по территории любого вероятного военно-политического противника. Думается, что главенствующее значение для положительных итогов тайного голосования членов АН СССР имела совокупность рекомендации вице-президента академии М.В. Келдыша и положительная характеристика, по сути рекомендация, соответствующего отдела ЦК КПСС. Отсутствие публикации научных трудов кандидатов в члены-корреспонденты академии объяснялось повышенной секретностью в области их деятельности.

Что же касается упомянутого выше присвоения Королёву и Глушко степени доктора технических наук, дело обстояло так. Королёву степень доктора была присвоена на основе подписанного в марте 1954 г. академиками М.В. Келдышем и Г.И. Петровым "Отзыва о научной и инженерной деятельности Главного конструкторов Королёва С.П." с выводом, что он "вполне заслуживает присвоения учёной степени доктора технических наук".

Аналогичный отзыв о научно-техническом вкладе Глушко в развитие отечественной ракетной техники также был направлен в Высшую аттестационную комиссию (ВАК), которая приняла решение о присвоении Глушко степени доктора наук по совокупности полученных выдающихся результатов в области разработки ракетных двигателей.

А нужно ли была Королёву и Глушко, членам-корреспондентам АН СССР, степень доктора наук? Если только для утоления чувства честолюбия. В таком случае это их личное дело, не требующее анализа. А вот с общественной стороны необходимость просматривается. Вице-президент АН СССР М.В. Келдыш исправлял допущенное нарушение принятого правила при выборах Королёва и Глушко в Академию наук без наличия у них степени доктора наук, ука-

зав в "Отзыве", что научно-технические достижения Королёва и Глушко и до принятия их в Академию наук фактически соответствовали требованиям ВАК для присвоения им учёной степени.

Этот частный случай присвоения учёной степени без оформления и защиты диссертации стал прецедентом приравнивания результатов успешной разработки ракетной техники к выполнению научной работы и этим открыл пути для получения научной степени для инженеров, работающих в ракетостроении. Эта форма присвоения научных степеней по оценке личного вклада в разработку космической техники получила широкое распространение после запуска первого искусственного спутника Земли.

Немаловажным событием в жизни Королёва и Глушко стало их вступление в коммунистическую партию. Для людей, занимающих в СССР руководящие должности в любой сфере деятельности, членство в партии являлось практически обязательным. Это нигде не прописанное правило распространялось и на Королёва и Глушко - Главных конструкторов оборонных КБ. Вообще-то вступление в единственную в СССР политическую партию для граждан не было каким-либо исключительным событием, ежегодно в ВКП(б), а затем в КПСС принимали тысячи подавших заявление. Но для Королёва и Глушко, бывших осуждённых по политической статье и освобождённых, но не реабилитированных, т.е. фактически помилованных, подача заявления о вступлении в партию было непростым решением.

Необходимость быть членом партии Королёв почувствовал с первых же дней работы Главным конструктором в НИИ-88. Партийная организация в лице её руководящего органа парткома не только контролировала морально-политический облик членов партии, но и следила за выполнением государственного плана путем регулярного заслушивания организации работ руководителями подразделений различного уровня, включая высший административно-технический персонал института. При признании результатов работы неудовлетворительными, руководитель получал партийное взыскание, а в случае не исправления положения - предлагали руководству перевести нерадивого руководителя на менее ответственную работу. Но партком был не только карающим органом, на его заседания можно было выносить предложения по организации работ, непопулярные у руководства института, и в случае принятия парткомом положительного решения, появлялась реальная возможность добиться реализации предложения. Для инициативных, добросовестных руководителей партком был союзником, в этом Королёв убедился на собственном опыте. Но начало его общения с парткомом имело негативный характер.

В декабре 1948 г. в НИИ-88 состоялась партконференция, на которой беспартийный начальник отдела №3 и Главный конструктор изделия №1 Королёв подвергся резкой критике за авторитарный стиль руководства и недопустимую грубость в обращении с сотрудниками. В выступлениях отмечалось как крупное упущение парткома в подборе руководящих кадров, среди которых имеются не состоящие в рядах партии. Таковым среди руководящих кадров НИИ-88 был только Королёв. Но каких-либо "оргвыводов" после конференции не последовало, видимо партком посчитал, что выводы Королёв должен сделать сам.

В последующий год Королёв несколько раз докладывал парткому об организации работ в отделе №3 по выполнению правительственных Постановлений, а в июне 1949 г. по итогам его доклада партком принял решение рекомендовать проведение в институте реорганизации с целью определения в качестве основной задачи выполнения тематики отдела №3, т.е. разработки ракет дальнего действия.

Эта рекомендация не нашла поддержки у руководства института, директор Л.Р. Гонор в марте 1950 г. на партконференции критиковал Королёва за его стремление подчинить научные подразделения института отделу №3 как головному по разработке ракет дальнего действия. Однако случилось так, что эта критика способствовала достижению цели Королёва: в конце апреля 1950 г. состоялась предлагаемая Королёвым реорганизация, в результате было ликвидировано СКБ, объединяющее все конструкторские отделы. Появились ОКБ-1 во главе с Королёвым

(разработка РДД) и ОКБ-2 во главе с Тритко (разработка ЗУР), которое в августе 1951 г. было переведено из НИИ-88 в систему министерства Авиапрома.

Успешное взаимодействие с партийной организацией института, способствующей выполнению не только производственных, но и личных планов Королёва, привело его к решению вступить в ряды партии. В марте 1952 г. он подал в парторганизацию ОКБ заявление с просьбой о приёме его кандидатом в члены партии. По свидетельству его дочери Н.С. Королёвой ("Отец", изд. Москва, Наука, 2002 г.) он "опасался, что годы заключения могут показаться кому-то тёмным пятном его биографии и вызовут возражения против приёма [...] Опасения отца оказались не напрасными. Среди членов парткома НИИ-88 нашлись такие, которые, услышав об аресте и годах заключения, выступили против приёма. Свою позицию они мотивировали тем, что отец досрочно освобождён, но не реабилитирован. Потребовалось разъяснение директора института К.Н. Руднева, что вопрос согласован "в соответствующих инстанциях". Этого оказалось достаточно и Королёв был принят кандидатом в члены ВКП(б).

По иному ответ Королёва на вопрос "За что судимы?" изложен в книге Г.С. Ветрова "С.П. Королёв. Свет и тени истории космонавтики" (Москва, Наука, 1998 г.) со ссылкой на архивный документ: "Был осуждён решением Особого совещания заочно, в чём мне дали расписаться. Отменён приговор решением Президиума Верховного Совета в 1944 г. Если кого из товарищей это подробно интересует, то лучше обратиться в соответствующие органы". Скажем прямо, ответ довольно-таки уклончивый.

Не обошёл вниманием об этом моменте в жизни Королёва и Я.К. Голованов. В книге "Королёв: факты и мифы" (Москва, 2007 г.) приводится со ссылкой на воспоминания одного из участников партсобраний ответ Королёва на вопрос "За что вы были осуждены?". После некоторой паузы он ответил: "Мне разрешено на этот вопрос не отвечать...". "Разрешение" на такой по форме вроде бы ответ, а по содержанию уход от ответа могли дать всё ещё всеильные "органы". Да другого "ответа" и не могло быть. Сказать, что был арестован и осуждён, не совершив преступления - в 1952 г. было нельзя, т.к. "органы, которые не ошибаются", не могли допустить даже намёка на незаконность ареста и последующего осуждения, огласить же формулировку из приговора - за вредительскую работу - тоже нельзя, не примут в партию. Но и с таким ответом, как сейчас сказали бы - прокатило. После окончания кандидатского стажа Королёв в июне 1953 г. подал заявление о приёме его в члены КПСС. На этот раз каких-либо осложнений не произошло, и в июле 1953 г. Королёв был принят в члены КПСС.

Однако шлейф какого-то недоверия коммунистов НИИ-88 к Королёву продолжался ещё некоторое время. Так, в ноябре 1953 г. в президиум институтской партконференции от парторганизации ОКБ-1 был выдвинут зам. Главного конструктора В.П. Мишин, а не Королёв, хотя он присутствовал на конференции в качестве делегата. По неписаным номенклатурным правилам руководитель предприятия должен быть членом парткома, иначе считалось, что он не пользуется доверием у парторганизации и в этом случае он не мог оставаться руководителем и его переводили на другое предприятие. В создавшейся ситуации Королёв не был уверен, что наберёт нужное количество голосов и при выдвижении его в члены избираемого на конференции парткома предпринял опережающий маневр - взял самоотвод, сославшись на небольшой партийный стаж. Самоотвод был удовлетворён.

На следующей партконференции в 1954 г. Королёв был избран в президиум конференции, в состав парткома его впервые избрали в 1956 г., после выделения ОКБ-1 из состава НИИ-88 в самостоятельное предприятие.

Для Глушко вступление Королёва в партию не послужило примером. Что-то ему мешало сделать этот обязательный для его дальнейшей карьеры и успешной работы шаг. Естественно, что Глушко, как и Королёв, при принятии им решения о вступлении в партию смущало его осуждение по политической статье. К этому следует добавить ряд возникших конфликтных ситуаций с секретарями

объединённого парткома завода и ОКБ-456, о чём будет изложено ниже. Но ко времени подачи в сентябре 1955 г. заявления с просьбой о принятии кандидатом в члены КПСС конфигурация общественной жизни в стране радикально изменилась. Значимость и авторитет Глушко в ракетостроительной отрасли ещё более возросли, в октябре 1953 г. он стал членом-корреспондентом АН СССР, а с октября 1954 г. - начальником и главным конструктором завода и ОКБ-456. Так что положение обязывало его быть в рядах КПСС, в ином случае его недоброжелатели, а они "сопровождали" Глушко на всём протяжении его творческой жизни, могли расценивать его беспартийность как политический демарш.

Получив заявление Глушко, партбюро КБ, партсобрание коммунистов КБ и партком ОКБ-456 единогласно проголосовали "за", далее Химкинский горком партии утвердил решение парткома ОКБ-456. По воспоминаниям ветерана предприятия, проходившего процедуру приёма в партию одновременно с Глушко, последний заметно волновался, когда на партсобрании в КБ излагал свою биографию и упоминал о годах заключения. Эта часть биографии вызвала вопрос о причинах ареста и осуждения. Ответ Глушко был краток: "По клеветническому доносу сослуживцев о якобы вредительской работе". Больше вопросов не последовало, информацию сочли достаточной для приёма кандидатом в члены партии. По истечению кандидатского стажа Глушко в ноябре 1956 г. был принят в члены КПСС без каких-либо осложнений.

Вернёмся к упомянутым выше конфликтным ситуациям между Глушко и некоторыми секретарями парткома. Надо признать, что негативная характеристика, данная парткомом в 1948 г. в связи с его баллотированием в члены Академии артиллерийских наук, имела основания. Его пренебрежительное отношение к общественным организациям, склонность к авторитарному руководству отмечалось и в период его работы в РНИИ и НИИ-3 в 30-х годах. В последующие годы, с 1938 по 1944 год он находился под опекой НКВД, а с середины 1945 г. до конца ноября 1946 г. был в командировке в Германии, так что в этот период жизни Глушко не получил опыта взаимодействия руководителя предприятия с общественными и партийными организациями. В то же время присущие ему черты характера остались без изменения.

Потерпев поражение в первом вынесенном за пределы предприятия конфликте с партийными функционерами, Глушко по мнению секретаря парткома, не сделал правильных выводов и продолжал пренебрегать "руководящей ролью партии на оборонном предприятии". По воспоминаниям ветеранов ОКБ-456 и завода, в начале 50-х годов секретарь парткома обратился в отдел оборонной промышленности ЦК ВКП(б) с предложением заменить Глушко на должности Главного конструктора. Замечу, что печатного изложения этого события не обнаружено.

Для выяснения причин конфликта между представителем партии на предприятии и беспартийным бывшим политзаключённым, завотделом ЦК партии пригласил их в свой кабинет на Старой площади. Надо отдать должное партийному функционеру - он проявил житейскую мудрость и не стал безоговорочно отстаивать честь "партийного мундира". Выслушав обе стороны, завотделом обратился к Глушко и сделал ему замечание, что он неправильно понимает роль партийной организации на предприятии, которая выполняет задачу мобилизации трудового коллектива на выполнение государственного оборонного заказа. Для своевременного и качественного выполнения плановых заданий нужно не игнорировать партийную организацию, а использовать её в качестве верного помощника. Секретарю парткома было указано на недопустимость переноса не сложившихся личных отношений с Главным конструктором в производственную сферу деятельности. Не отрицая вины Глушко в пренебрежительном отношении к парткому, завотделом указал секретарю парткома, что он больше виноват в сложившейся ситуации, т.к. не сумел своей работой завоевать авторитет эффективного помощника Главному конструктору в его работе. Спустя некоторое время этот секретарь парткома был досрочно переведён на работу в другое предприятие.

О следующем конфликте, возникшем в 1956 г. между Глушко и

секретарём парткома, поведал мне спустя много лет Н.Н. Четвериков, который в тот период времени возглавлял партийную организацию завода и ОКБ-456. Разногласия возникли при распределении государственных наград работникам предприятия за разработку двигателя для первой стратегической ракеты Р-5М. Система поощрения за выполнение важного оборонного проекта в СССР предусматривала выделение каждому предприятию, участвовавшему в создании проекта, определённого количества наград - орденов и медалей различной значимости. На предприятии определяли степень вклада работников в осуществлении проекта и фамилии предлагаемых к награждению вместе с их производственными характеристиками направлялись в Министерство. Список кандидатов к награждению подписывали руководитель предприятия, секретарь парткома и председатель профкома.

Получив информацию о выделенных для завода и ОКБ-456 наградах, Глушко поручил своему заместителю по конструкторской части В.А. Витке подготовить списки работников для награждения. Витка собрал предложения от ведущих работников КБ, которые хорошо знали степень вклада в разработку двигателя конструкторов, технологов, испытателей и руководителей производства двигателей.

Обсудив с Глушко предлагаемые к награждению кандидатуры, Витка передал подготовленные для подписания списки в партком и профком. Секретарь парткома не согласился с предложением к награждению, в основном, конструкторов и технологов, в то время как в списках не было ни одного рабочего, что не соответствовало политике компартии в отношении к рабочему классу как передовому отряду трудящихся Советского Союза. При последующем обсуждении списка у Глушко стороны не пришли к взаимопониманию, т.к. в противовес позиции секретаря парткома Главный конструктор считал, что двигатель разработан благодаря творческому вкладу инженеров-конструкторов и инженеров-технологов с участием организаторов изготовления двигателей, а не производителей материальной части. Не договорившись, Глушко решил найти "управу" на строптивного секретаря парткома у инспектора ЦК партии, который курировал ОКБ-456, о чём и сообщил секретарю парткома. На следующее утро, ещё до начала работы ЦК, Четвериков стоял у входа в здание ЦК и, встретившись с инспектором, подробно доложил о разногласиях с руководством ОКБ-456. Вскоре в ЦК подъехал Глушко и с удивлением увидел в кабинете инспектора своего оппонента. О подробностях состоявшейся беседы Четвериков не стал вспоминать, а с хитринкой в глазах сказал, что Глушко получил полную информацию о принципах награждения за коллективно выполненную работу.

После этого разговора в список награждаемых кроме конструкторов, технологов и испытателей были внесены в обязательном порядке рабочие, женщины и работники в возрасте до 30 лет, каждая из указанных групп составляла директивно определённый процент от общего количества награждаемых. В конце воспоминаний Четвериков подчеркнул, что после этого случая больше разногласий у него с Глушко не было, и что Глушко с уважением относился к людям, которые открыто отстаивали свою точку зрения по любым общественным или производственным вопросам в интересах общего дела, а не ради личной корысти. После окончания работы освобождённым секретарём парткома Четвериков был назначен начальником инструментального производства на заводе № 456.

События, последовавшие за смертью в марте 1953 г. И.В. Сталина: массовое освобождение осуждённых, в том числе и по политической статье 58 УК, арест, осуждение и расстрел Л.П. Берии, "очищение" аппарата МГБ от служащих, причастных к репрессиям - свидетельствовали о новой внутренней политике руководства страны. Время разоблачения и осуждения репрессий и культа личности Сталина на XX съезде КПСС, состоявшемся в феврале 1956 г., ещё не подошло, но советский народ почувствовал свежий ветер перемен.

На этой волне Глушко 10 апреля 1955 г. и Королёв 30 мая 1955 г. подали заявление в Генеральную прокуратуру с просьбой пересмотреть их следственные дела, снять с них несправедливые обви-

нения и отменить вынесенные приговоры, т.е. реабилитировать за отсутствием состава преступления. Проверка дела по заявлению Глушко длилась около полутора лет и 11 октября 1956 г. он получил справку о Решении Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР о полной реабилитации.

Рассмотрение следственного дела Королёва велось в течение почти 2-х лет, 18 апреля 1957 г. Верховный Суд Союза ССР вынес определение о полной реабилитации. По воспоминаниям Б.Е. Чертока задержка на полгода по сравнению с получением аналогичного документа Глушко вызвало у Королёва повышенное беспокойство. Чем оно было вызвано: завистью, что Глушко при почти одновременной подаче заявлений опередил его в получении решения или искренним волнением, что в этом щекотливом деле у новых юридических властей имеются по отношению к нему сомнения? Исходя из характера Королёва, честолюбивого и не терпящего задержек, можно предполагать, что имелись обе причины. А задержка, скорее всего, имела чисто бюрократическую причину. Два разных следственных дела, причём у Королёва история следствия более продолжительная, разные люди, занимающиеся реабилитацией, различная у них нагрузка... Главное, оба Главных конструктора ракетной техники оправданы и реабилитированы, а кто из них раньше или позже на полгода - второстепенные детали биографии каждого.

В середине 50-х годов служебный статус Глушко и Королёва изменился. Каждый стал начальником и Главным конструктором ОКБ, включающего конструкторское бюро, опытный завод и испытательную базу. Путь каждого из них к этой должности, несмотря на некоторый параллелизм в их жизни, имел существенные различия. Сделаем краткое изложение каждого из этих путей.

Впервые на должность Главного конструктора КБ Глушко был назначен в начале 1942 г. в ОКБ-16 4-го Спецотдела НКВД СССР при казанском авиадвигательном заводе № 16. Эту должность он получил не только как автор предложенного проекта разработки авиационного ЖРД, но и как практически единственный в коллективе КБ специалист, имеющий опыт работы в области ракетной техники. В августе 1944 г., на базе выделившегося из состава ОКБ-16 коллектива освобождённых из заключения и вольнонаёмных конструкторов, Наркомат авиапрома организовал ОКБ ракетных двигателей (ОКБ-РД) во главе с Главным конструктором Глушко.

Организация ОКБ-РД имела вынужденный и спонтанный характер, т.к. с освобождением из заключения основных разработчиков авиационного ЖРД в системе НКВД прекращалась работа по этой тематике, а ответственность за её выполнение была записана в Постановлениях ГКО за НКВД и Наркоматом авиапрома, который и унаследовал продолжение указанной работы. Назначение Глушко Главным конструктором ОКБ-РД приказом Наркома авиапрома стало естественным сохранением преемственности сложившейся организации работ в двигателем КБ ОКБ-16. Этим назначением Глушко был включён в номенклатурный состав технических руководителей предприятий Наркомата авиационной промышленности. ОКБ-РД просуществовало до июля 1946 г., когда после выпуска исторического правительственного Постановления от 13 мая 1946 г. "Вопросы реактивного вооружения", Министерство авиапрома перевело ОКБ-РД на базу авиационного завода № 456 в подмосковном городе Химки. Этому заводу и переименованному ОКБ-РД в ОКБ № 456 поручалось по адаптированным к условиям советского производства чертежам воспроизвести разработанный в Германии ЖРД ракеты А-4 (Фау-2). Предвосхищая такое развитие событий, Глушко во время нахождения в командировке в Германии направляет 31 мая 1946 г. Председателю государственной комиссии в Германии Д.Ф. Устинову докладную записку, в которой предложил организовать специализированное ОКБ по разработке мощных ЖРД при малозагруженном машиностроительном заводе. Опираясь на свой шестнадцатилетний опыт работы в области ракетной техники, он предложил свою кандидатуру на должность Главного конструктора этого ОКБ. Предложение было реализовано, Глушко возглавил ОКБ при заводе № 456.

Напомним, что в период организации ракетостроительной от-

расли сохранялся сложившийся в 30-е годы в промышленных Наркоматах порядок. КБ является составной частью головных заводов, они так и назывались - КБ завода №... или КБ при заводе №... Однако с повышением сложности создаваемой ракетной техники, увеличением разрабатываемой номенклатуры, с расширением кооперации с научными организациями и промышленными предприятиями роль КБ и ответственность Главного конструктора за выполнение правительственных Постановлений существенно возрастала. Для дальнейшего научно-технического прогресса требовалось проведение организационного реформирования.

Реформы поведутся "сверху", а необходимость их проведения и форма преобразований лучше видится "снизу". Так случилось и при реформировании ОКБ-456. Его главный конструктор Глушко 17 сентября 1954 г. обратился к министру Д.Ф. Устинову с письмом, в котором отметил, что "использование завода № 456 как производственной базы для разработки новых двигателей до сих пор было малоэффективным, поскольку завод является автономной хозяйственной организацией, органически не связанной с тематическим планом ОКБ-456. [...] ОКБ-456 в дополнение к прежним заданиям по объектам Р-5 и Р-12 получило задание на разработку новых объектов (Р-5М, Р-7, "Буря"). В заключительной части письма Глушко просит "либо решить вопрос о производственной базе превращением завода № 456 в опытный, либо поставить перед правительством вопрос об установлении новых сроков выполнения разработок".

Д.Ф. Устинов с пониманием отнёсся к предложению Глушко провести мероприятие в обеспечение выполнения правительственных Постановлений и 27 октября 1954 г. вышел приказ Министра оборонной промышленности о назначении Глушко начальником и Главным конструктором ОКБ-456 с подчинением ему завода № 456.

В этой должности Глушко работал до назначения его 22 мая 1974 г. директором и Генеральным конструктором НПО "Энергия".

В отличие от карьерного продвижения Глушко, которое происходило практически в соответствии с естественным развитием событий в области разработки ракетной техники, продвижение Королёва по служебной лестнице к должности Главного конструктора самостоятельного ОКБ было более сложным.

За начало изложения этой истории примем ту же точку отчёта, что приведена в истории Глушко: работа в Казани в составе ОКБ-16 4-го Спецотдела НКВД СССР. Прибыв в конце ноября 1942 г. в Казанскую спецтюрьму при авиамоторном заводе № 16, Королёв, ознакомившись с разработкой под руководством Глушко авиационного ЖРД, предложил проект его установки на истребитель-перехватчик. Для выполнения этого проекта он в начале 1943 г. назначается руководителем группы № 5 в составе КБ, возглавляемом Глушко. После освобождения из заключения в начале августа 1944 г., Королёв осенью того же года назначается заместителем Главного конструктора ОКБ-РД по реактивной установке. Однако это назначение его не устраивает, и он с первых же дней интенсивно изыскивает возможность организации под своим руководством ОКБ по созданию жидкостных и пороховых крылатых ракет, но положительного решения получить не удалось.

После окончания войны Королёв с сентября 1945 г. находился в командировке в Германии, где проявил свои организаторские способности и благодаря им в конце февраля 1946 г. был назначен заместителем начальника и главным инженером организованного во многом по его инициативе "Института Нордхаузен". Одновременно с этим назначением он был освобождён от должности в ОКБ-РД.

В августе 1946 г. Королёв назначается Главным конструктором изделия №1 (воспроизводимой в СССР немецкой ракеты А-4) и начальником отдела № 3 по разработке ракет дальнего действия (РДД) в составе СКБ НИИ-88. В апреле 1950 г. он добивается принятия решения о разделении СКБ на ОКБ-1 (разработка РДД под руководством Королёва) и ОКБ-2 (разработка ЗУР под руководством Тритко). В мае 1951 г. по инициативе Королёва руководство НИИ-88 направило в Министерство вооружения письмо с предло-

жением объединить ОКБ-1 и ОКБ-2 для усиления ведения работ по созданию РДД под руководством Королёва и прекратить работы по ЗУР. В августе 1951 г. тематика ОКБ-2 вместе с частью коллектива была передана в Минавиапром. Разработка РДД в ОКБ-1 стала единственной проектной работой в НИИ-88. Однако и это практически монопольное положение в ведущем отраслевом НИИ не удовлетворяло Королёва, он продолжал стремиться к полной самостоятельности. Об этом свидетельствует Б.Е. Черток в книге "Ракеты и люди. Подлипки - Капустин Яр - Тюратам" (Издательство "РТСофт", 2000 г.), приводя негативное высказывание Королёва о его зависимости от руководства института: "Я должен иметь своё производство! Вот у Глушко в Химках я был. Там все ему в рот смотрят. А я должен по любой мелочи ходить на поклон к Гонору. А если завтра будет не Гонор, а какой-нибудь долдон, то всё прахом пойдёт! [...] Гонор к тому же не хочет портить отношения с парткомом. Уткин (секретарь парткома НИИ-88) хоть и порядочный человек... но тоже побаивается нагоняя из ЦК...". В этой же книге Б.Е. Черток даёт свою трактовку цели устремления Королёва к получению им независимости в сфере его производственной деятельности: "Властолюбие Королёва, которое в некоторых случаях носило даже болезненный характер, не было связано, как мне кажется, с желанием возвеличивания своей личности, в этом властолюбии не наблюдается даже малейших признаков параноического состояния. Власть не была самоцелью для него, а была как бы необходимым условием достижения цели наиболее рациональным и быстрым способом".

Значимость работ ОКБ-1 в тематических планах НИИ-88 с каждым годом становилась всё весомее, рос авторитет Королёва и в июле 1954 г. он, оставаясь Главным конструктором ОКБ-1, назначается заместителем директора института по научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам для ракет дальнего действия.

К середине 50-х годов ОКБ-1 полностью сформировалось как промышленное предприятие, выполняющее важнейшие государственные оборонные заказы. Организованный в 1946 г. по типу РНИИ базовый НИИ-88, объединяющий НИИ и ОКБ в единую научно-промышленную организацию, работающую по общим научно-производственным планам над созданием новой наукоёмкой ракетной техники, к своему 10-летию юбилею превратился в административное объединение двух предприятий, каждое из которых решало различные технические задачи. Казалось бы, что широкий фронт научных исследований в НИИ должен способствовать созданию в ОКБ реальных образцов новой техники, но в тесных рамках одного предприятия интересы НИИ и ОКБ входили в противоречие и тормозили дальнейшее развитие каждого из них. ОКБ-1 самостоятельно и успешно разрабатывало ракетную технику. Так, в течение 1954 года были завершены лётные испытания боевой баллистической ракеты Р-5, в 1955 г. принята на вооружение Р-11, а в 1956 г. - первая стратегическая ракета Советского Союза Р-5М, в эти же годы, начиная с мая 1954 г., интенсивно ве-

В.П. Глушко (второй слева) и С.П. Королёв (третий) в президиуме торжественного собрания, посвященного 100-летию со дня рождения К.Э. Циолковского. Калуга, 15 сентября 1955 года

лись работы по созданию первой межконтинентальной баллистической ракеты Р-7.

Объективно сложившаяся ситуация, усиленная наличием человеческого фактора - многолетним стремлением Королёва возглавить самостоятельное предприятие - нашла реализацию в приказе министра оборонной промышленности Д.Ф. Устинова от 14.08.1956 г. о выделении ОКБ-1 и завода №88 в самостоятельное предприятие под руководством начальника и Главного конструктора С.П. Королёва. Путь к этой должности, начатый Королёвым 12 лет назад, в августе 1944 года после освобождения из заключения, успешно завершился.

Взятый курс на создание нового вида вооружения - ракет дальнего действия: выпуск правительственного Постановления от 13 мая 1946 г. "Вопросы реактивного вооружения", создание научно-технического центра НИИ-88, строительство ракетного полигона - всё это не могло пройти мимо внимания и не пробудить профессионального интереса у высшего командного состава Вооружённых Сил СССР. С целью познакомиться с боевыми характеристиками нового оружия и воочию его увидеть "делегация" в составе маршалов Советского Союза Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, Р.Я. Малиновского, Ф.И. Толбухина, адмирала М.И. Октябрьского, генерала И.А. Серова, министра Д.Ф. Устинова и др. в 1947 г. посетила НИИ-88. Высокопоставленным гостям С.П. Королёв рассказал о боевых характеристиках, принципах действия, технологии подготовки и пуска ракеты А-4. Какой-либо официальной реакции после этого посещения не последовало, какие выводы для себя от увиденного и услышанного сделали полководцы, неизвестно. Остаётся только воспользоваться обкатанной на партийных и профсоюзных собраниях формулировкой "приняли к сведению".

Более важным, определяющим дальнейшее развитие отечественной ракетной техники, жизни и творческой деятельности Королёва стало посещение НИИ-88 в начале 1956 г. политическим лидером страны Н.С. Хрущёвым и сопровождающими его членами Президиума ЦК КПСС. Обострённая международная обстановка тех дней, поиск Хрущёвым новых "козырей" в его политической игре с военно-политическим руководством стран НАТО и, конечно, эмоциональность Хрущёва давали шанс Королёву использовать это посещение. И он этот шанс не упустил...

Об этом посещении имеются воспоминания его участников: самого Н.С. Хрущёва в его книге "Воспоминания" (Москва, Варгиус, 1997 г.) и его сына Сергея Никитовича в уже упомянутой книге "Никита Хрущёв: кризисы и ракеты". Воспользуемся этими источниками и приведём из них фрагменты.

Итак, воспоминания о первых впечатлениях Н.С. Хрущёва о визуальном восприятии боевой ракеты: "Устинов доложил мне, что конструктор Королёв приглашает посмотреть на его баллистическую ракету. Мы решили поехать туда всем составом Президиума ЦК партии.

На заводе нам показали ракету. Честно говоря, руководство страны смотрело тогда на неё как баран на новые ворота. В нашем сознании ещё не сложилось понимание того, что вот эта сигарообразная огромная труба может куда-то полететь и кого-то поразить взрывным ударом. Королёв нам объяснил, как она летает, чего может достичь. А мы ходили вокруг неё, как крестьяне на базаре при покупке ситца: щупали, дёргали на крепость, чуть ли не лизали".

Более подробно о посещении НИИ-88 изложено в книге С.Н. Хрущёва, который, по его утверждению, был участником этого посещения. Его воспоминания приводятся с существенными сокращениями, оставлены только впечатления Н.С. Хрущёва от увиденного и его высокая оценка личного вклада Королёва в разработку нового вооружения.

"В январе 1956 г. отец решил посетить "фирму" Королёва. К Королёву отец поехал не один, собралась представительная то ли компания, то ли комиссия. Когда отец предложил мне сопровождать его, я не раздумывая ни минуты. Увидеть настоящие баллистические ракеты!... Место назначения находилось неподалеку от Москвы. Добрались быстро. У многометровых ворот отца встретило крепко

сбитый невысокий человек - Главный конструктор Королёв. Чуть поодаль роится "свита": министры, военные и руководство конструкторского бюро и завода. Королёв пожимает руки гостям и хозяйским жестом предлагает пройти в цех. Следуя за хозяином, группа потянулась в центр зала, где на ложементх лежали выкрашенные в защитный зелёный цвет ракеты.

Королёв остановился у своего первенца: Р-1. Ракета один к одному повторяла немецкую ФАУ-2, детище фон Брауна. За Р-1 следовала первая собственная разработка - ракета Р-2.

"Это наша история, с них мы начинали" - закончил первую часть своего рассказа Королёв. "А вот наше настоящее, Р-5" - он указал на следующий экспонат. На подставках лежал огромный зелёный карандаш, только на тонко заточенном носике отсутствовал грифель, а сзади торчали маленькие треугольные пёрышки рулей.

Отец долго не отходил от ракеты. В первую очередь его интересовало, кого из наших потенциальных противников мы с её помощью сможем держать под ударом. Королёв пояснил: выдвигнув старты на передовые рубежи, можно поразить Великобританию, недостижимой остаётся только Испания. Отец удовлетворённо хмыкнул. Потом он спросил Королёва о мощности ядерного заряда на его ракете. Сергей Павлович замаялся, медлил с ответом. В те годы об атомных зарядах вслух не говорили, секретней и запретней темы не существовало. Наконец Королёв вплотную приблизился к отцу и вполголоса произнёс несколько слов. Отец удовлетворённо кивнул: "Внушительный заряд, очень отрезвляюще подействует на горячие головы, мечтающие о войне. Его величину и в НАТО не вредно сообщить".

Королёв продолжил свой доклад: "Мы испытали ракету. Она летает надёжно, точность попадания тоже вполне приличная, полностью отвечает требованиям военных. По решению правительства вскоре, в феврале, будет произведено испытание ракеты совместно со специальной боевой частью".

Отец время от времени вмешивался в доклад, задавал вопросы. Тут же вступал Устинов, чувствовалось, что он осведомлён обо всём, без запинки давал краткие, чёткие ответы. Указания записывал в маленький блокнотик.

Отец остался доволен. И конструктор, и министр не только знали, чего они хотят, но и ясно представляли пути достижения цели. К таким людям отец проникался особой симпатией, становился как бы их соучастником. Теперь Королёв мог звонить отцу напрямую, в обход многочисленных бюрократических рогаток. Уже одна эта возможность, даже не осуществлённая, позволяла разрешать проблемы, ранее, казалось, непреодолимые. В крайнем случае, он снимал трубку и набирал номер телефона отца.

После этого посещения отец просто влюбился в Королёва, он готов был говорить о нём без конца. Жаль, что слушателей, допущенных до столь секретных в те годы рассказов, даже у него оказывалось немного".

О лучшем отношении политического лидера государства к Главному конструктору не нужно было даже мечтать. Он сразу получил известность в высших партийно-правительственных кругах, а это способствовало не только его личной популярности и возросшей значимости возглавляемого им ОКБ-1, но и расширяло его возможности в дальнейшем развитии ракетной техники.

Что же касается чрезмерного (разумеется, на мой сегодняшний взгляд) выделения по сравнению с другими предприятиями наград работникам НИИ-88, то упрекать в этом Королёва было бы неправильно. Первоначальное распределение количества и значимости наград осуществлялось партийно-государственными чиновниками того времени в зависимости от весомости вклада предприятий, входивших в кооперацию по разработке ракеты Р-5М. А в представлении этих чиновников ОКБ-1 являлось главным разработчиком ракеты, остальные предприятия только участники, поставщики отдельных систем, но и о них же не забыли. Какие могут быть претензии и обиды? И всё-таки 20 орденов Ленина у ракетчиков и два таких ордена у двигателистов не соответствуют значимости действительного вклада этих предприятий в общую работу. ■

(Продолжение следует.)